

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-1-53-69

EDN: QGMMWR

УДК 811.111'42:32

Научная статья / Research article

Коммуникативная личность политика на материале парламентских выступлений лейбористов Джереми Корбина и Кира Стармера

Д.С. Мухортов , Е.А. Жовнер

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации,

119454, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, 76

 dennismoukhortov@mail.ru

Аннотация. Последние тридцать лет в лингвистических исследованиях отмечалась терминологическая неоднородность в понятиях «языковая личность» и «коммуникативная личность», однако в сфере изучения политической коммуникации в силу неразрывной связи политического дискурса с конструирующим его социокультурным, историческим или сугубо политическим контекстом наблюдалось не только их смешение, но и дифференциация. Целью данного исследования является детерминирование понятия «коммуникативная личность» как одного из ключевых в лингвоперсонологии. В качестве доказательной базы приводятся результаты качественного анализа парламентских выступлений предыдущего и нынешнего лидеров Лейбористской партии Великобритании Джереми Корбина и Кира Стармера, которые впервые становятся объектом контрастного исследования. Верифицированные с помощью применения программы контент-анализа Sketch Engine, они демонстрируют, как может меняться риторика политика в зависимости от ситуативных факторов — в данном случае, внешнеполитической обстановки и внутривнутриполитических процессов. В речах политиков лейтмотивом проходит тезис о том, что в связи с прекращением членства Великобритании в Евросоюзе и затяжной пандемией коронавируса на повестке дня остро стоят социальные и экономические вопросы. При анализе вербальных средств, используемых Джереми Корбиным и Киrom Стармером, особенно важным является прагматический и ситуативный потенциал политической коммуникации, направленной, прежде всего, на достижение его участниками электорального успеха за счет применения политиками наиболее успешных коммуникативных стратегий и тактик и выбора определенных лексических единиц. Произведено детерминирование коммуникативной личности Корбина и Стармера с помощью предложенной Гарольдом Лассуэллом типологии лидерства. Тем самым данная работа вносит вклад в развитие положений лингвоперсонологии и поднимает вопрос о необходимости разработки типов коммуникативной личности политика.

Ключевые слова: лингвоперсонология, политический дискурс, языковая личность, коммуникативная личность, вербальное поведение политика, политическая коммуникация, прагмалингвистика

© Мухортов Д.С., Жовнер Е.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема в печать: 15.04.2022

Для цитирования:

Мухортов Д.С., Жовнер Е.А. Коммуникативная личность политика на материале парламентских выступлений лейбористов Джереми Корбина и Кира Стармера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 53–69. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-53-69>

Linking Word Use and Personality Characteristics: A Contrastive Study into Parliamentary Communications of Labour Leaders Jeremy Corbyn and Keir Starmer

Denis S. Mukhortov¹ , Elizaveta A. Zhovner²

^{1,2}Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Vernadsky Prospekt, Moscow, Russia Federation, 119454

 dennismoukhortov@mail.ru

Abstract. Over the past thirty years, Russian linguistic studies have noted terminological heterogeneity in the concepts of “jazykovaja lichnost” and “kommunikativnaja lichnost”, literally “linguistic personality” and “communicative personality”, however, in the field of political communication, due to the inextricable connection of political discourse with the socio-cultural, historical, or political context that constructs it, their differentiation was observed rather than interchangeability. This research seeks to characterise “kommunikativnaja lichnost”, a key concept in linguopersonology. The evidence base is parliamentary speeches of Jeremy Corbyn and Keir Starmer, previous and current leaders of the Labor Party of Great Britain. The results of a qualitative analysis have been verified through the Sketch Engine content analysis program, and they demonstrate how a politician’s rhetoric can change depending on situational factors — in this case, the foreign political situation and domestic political processes. The overarching theme of the politicians’ communications is the termination of the UK’s membership in the European Union and the protracted coronavirus pandemic, which is the root of all social and economic ills. The words frequently used by Corbyn and Starmer are predetermined by the communicative behaviours of the politicians. The article attempts to determine the ‘communicative personality’ of Corbin and Starman using the leadership typology proposed by Harold Lasswell. This work thus contributes to the development of linguopersonology provisions and raises the necessity to develop types of the ‘communicative personality’ of a politician. Given the analysis results, the article suggests interpreting the Russian concept ‘kommunikativnaja lichnost’ as ‘linking word *use* and personality characteristics’.

Keywords: linguopersonology, political discourse, word *use*, political personality characteristics, communicative behaviour, political communication

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 15.04.2022

For citation:

Mukhortov, D.S. & Zhovner, E.A. (2023). Linking Word *Use* and Personality Characteristics: A Contrastive Study into Parliamentary Communications of Labour Leaders Jeremy Corbyn and Keir Starmer. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 53–69. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-53-69>

Введение

В конце XX века в лингвистических учениях произошли изменения в антропоцентрической парадигме: на первый план исследований был выдвинут *homo loquens* — человек говорящий, а фокус внимания лингвистов переместился с изучения «языка в человеке» на изучение «человека в языке». Именно этим можно объяснить появление активно развивающегося направления лингвистики — лингвоперсонологии. В ряду основных понятий, которые рассматриваются исследователями, являются «языковая личность», «речевая личность», «коммуникативная личность», каждое из которых имеет свои характерные особенности. В данной статье проводится компаративный анализ данных терминов, и в связи с тем, что поле исследовательской деятельности в рамках данной статьи сужено политической дискурсорсферой с ярко выраженной составляющей устной речи, особое внимание уделяется понятию «коммуникативная личность».

По мнению одних исследователей, например, В.И. Карасика, понятия «языковая личность» и «коммуникативная личность» могут рассматриваться как идентичные, по мнению других (С.Г. Воркачева, В.В. Соколова, С.С. Галстяна; В.П. Конецкой), одно включает в себя другое. О.Н. Арискина и Е.А. Дрянгина выделяют три тенденции в попытке разграничить или уравнять эти понятия:

1. Понятие «языковая личность» считается «суперкатегорией» по сравнению с понятием «коммуникативная личность» и реализуется в четырех ипостасях — мыслительной, языковой, речевой, коммуникативной.
2. Между понятиями «языковая личность» и «коммуникативная личность» не существует никаких различий, и в ходе коммуникации языковая личность рассматривается как коммуникативная.
3. Языковая личность считается одним из видов коммуникативной личности и сосредотачивается только на вербальной коммуникации, в то время как коммуникативная личность задействует как вербальные, так и невербальные коды коммуникации, что делает понятие «коммуникативная личность» шире понятия «языковая личность» [1. С. 15].

Также существует мнение, что понятие «языковая личность» не в полной мере отражает суть самого явления и что его необходимо заменить понятием «дискурсивная личность». Во-первых, это связано с развитием наук, изучающих дискурс и различные дискурсивные явления, во-вторых, с тем, что в настоящее время для изучения «языковой личности» необходимо производить анализ различных социальных, психолингвистических, дискурсологических параметров, что снижает эвристическую значимость понятия «языковая личность» и выдвигает на первый план личность дискурсивную [2. С. 8].

Несмотря на попытки исследователей привнести новизну в терминологическую систему, наиболее популярными остаются именно понятия

«языковая личность» и «коммуникативная личность». Необходимо рассмотреть, чем различаются эти термины, прежде чем переходить непосредственно к изучению коммуникативной личности в рамках исследований политического дискурса.

Языковая личность vs коммуникативная личность

Самым популярным, или, точнее сказать, популяризированным термином лингвоперсонологии является «языковая личность». Согласно Ю.Н. Караулову, языковой личностью является человек, обладающий «способностью к созданию и восприятию текстов, различающиеся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» [3. С. 245]. Это определение находит свое отражение в самой структуре языковой личности, где выделяется три уровня: 1) вербально-семантический, который позволяет судить о владении естественным языком конкретной личности; 2) когнитивный, на котором исследователями рассматривается когнитивная картина мира индивида, которая среди прочего отражает иерархию ценностей человека; 3) прагматический уровень, указывающий на существующие или меняющиеся цели и мотивы в речевой деятельности человека. Подобная структура указывает на то, что человек говорящий обладает определенным лексиконом, через использование которого отражается картина мира говорящего и мотивационная направленность коммуникации, совершаемой говорящим. Впоследствии именно такие параметры, связанные с языковой, когнитивной и прагматической составляющей, будут найдены практически во всех попытках разграничить понятия «языковая личность», «речевая личность», «коммуникативная личность».

В своих исследованиях Ю.Н. Караулов обращается в том числе и к когнитивным процессам порождения и восприятия сообщения и, согласно выделенным им уровням языковой личности, различает побуждающий, формирующий и реализующий уровни. Эти уровни отвечают за анализ ситуативно-контекстуальной информации и прагматического потенциала речи, построение связи между формой и содержанием высказывания, формирование ответного речевого действия, без чего невозможно построение коммуникации [3. С. 51]. Не вызывает сомнений тот факт, что своей концепцией Ю.Н. Караулов задал тон различным исследованиям «человека в языке», однако далее эта идея требовала теоретической проработки и тщательно контролируемой систематизации появляющихся исследований в данной сфере. Учитывая стремительное развитие наук, изучающих коммуникативные процессы, терминологическая система усложнилась.

Прежде всего, возникает вопрос, в какой момент коммуникации проявляется языковая личность? Ю.Е. Прохоров предложил считать языковую личность парадигмой речевых личностей, в то время как речевая личность — это

языковая личность в парадигме реального общения [4. С. 59]. В то же время А.А. Леонтьев противопоставил «язык как предмет, язык как процесс и язык как способность, — которые «есть части речевой деятельности» [5. С. 23]. Согласно этому противопоставлению языковая личность и речевая личность коррелируют с такими феноменами концепции А.А. Леонтьева, как «язык как предмет» и «язык как способность». Отмечается, что и языковая, и речевая личность — явления системные, парадигматические: языковая личность является парадигмой, частью которой является речевая личность. Для того чтобы система функционировала, необходим третий член триады «язык как предмет — язык как способность — язык как процесс», что естественным образом отсылает нас к понятию «коммуникативная личность» [6. С. 50].

В работе «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?» В.В. Красных рассматривает целую систему «личностных» феноменов, в которую помимо языковой личности включены понятия «речевая личность» (личность, применяющая определенный набор языковых единиц, а также ту или иную стратегию и тактику общения в условиях совершения коммуникации) и «коммуникативная личность» (конкретный участник конкретного коммуникативного акта, действующий в реальной коммуникации). Особое внимание в этой работе обращается на то, что человек, осуществляющий речевую деятельность, выступает одновременно в этих трех ипостасях, как языковая, речевая и коммуникативная личность.

Однако В.И. Карасик говорит, что в условиях общения языковую личность стоит рассматривать как коммуникативную — как обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций, и рассматривает три плана этого понятия: ценностный, познавательный, поведенческий [7. С. 19]. Все это дополняет идеи Ю.Н. Караулова, так как коммуникативная личность в понимании В.И. Карасика связана с отражением ценностей и картины мира говорящего. Особое внимание уделено поведенческому уровню, который тесно связан с прагматикой, а значит, важную роль здесь играют «речеактивные, интерактивные, дискурсивные ходы в естественном общении людей» [7. С. 20].

Коммуникативную личность невозможно рассматривать в отрыве от конкретной коммуникативной ситуации и вне глобального ситуативного контекста, что отражает ситуативно-ориентированный потенциал коммуникативной личности. Именно это отличает коммуникативную личность в политическом дискурсе от модели коммуникативной личности как «языковой личности в процессе коммуникации».

В связи с этим весьма интересна концепция «коммуникативной личности, предложенная В.П. Конецкой, которая полагает, что коммуникативная личность всецело зависит от «коммуникативных потребностей, когнитивного диапазона, сформировавшегося в процессе познавательного опыта, и собственно коммуникативной компетенции — умения выбора коммуникативно-

го кода, обеспечивающего адекватное восприятие и целенаправленную передачу информации в конкретной ситуации» [8. С. 106]. Кроме того, в работе В.П. Конечкой «Социология коммуникации» затрагиваются мотивационный, когнитивный и функциональный параметры коммуникативной личности, что напоминает модель языковой личности, предложенной Ю.Н. Карауловым. Однако В.П. Конечкая подчеркивает, что «эти характеристики занимают разное место в структуре языковой и коммуникативной личностей благодаря своей роли в их формировании» и «их содержательная интерпретация совпадает лишь частично» [8. С. 106].

На первом месте в формировании коммуникативной личности стоит именно мотивационный параметр, так как для того, чтобы коммуникация состоялась, необходимо иметь потребность в ней — потребность передать или получить какое-либо сообщение.

Когнитивный параметр связан со знанием коммуникативных систем, которые помогают постигать смысл высказываний и оценивать получаемую информацию, а также осуществлять воздействие на адресата в зависимости от коммуникативной цели. Кроме того, этот параметр влияет на умение правильно применить коммуникативный код, а также проанализировать и оценить «когнитивный диапазон» собеседника.

Когда у коммуниканта формируется потребность в коммуникации и происходит оценка складывающейся коммуникативной ситуации, речь заходит о функциональном параметре, то есть о непосредственном осуществлении коммуникации, когда задействуются «сложные механизмы речемыслительной деятельности, обусловленные социологическими, психологическими и лингвистическими факторами» [8. С. 106]. Так, подключается понятие «коммуникативной компетентности», которое включает в себя набор применяемых на практике вербальных и невербальных средств, различных коммуникативных ходов, варьируемых в зависимости от протекания коммуникативной ситуации в частности и норм речевого этикета в целом.

Таким образом, в последнее время исследователи все чаще обращаются к процессам коммуникации, различным факторам ее обуславливающим, чтобы доказать их влияние на материал, выбираемый для анализа коммуникативной личности участника коммуникации. В связи с тем, что современная коммуникация среди различных типов дискурса значительно усложнилась и изменилась, В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин предлагают новые характеристики коммуникативных процессов на сегодняшний день, среди которых нам наиболее значимыми кажутся следующие: «экспансия демонстративности; ювенилизация общения; фикционализация информации и растущая значимость навыка критического анализа; новый виток коммуникативного сжатия мира; растущий темп жизни и репликовость коммуникации; размывание институциональности; размывание границ приватности и публичности; возникновение медийно продвигаемых ритуалов»

[9. С. 16–17]. Поэтому в современной лингвистике требуется пересмотреть понятия «языковая личность» и «коммуникативная личность» и применительно к анализу политической коммуникации особое внимание обратить на второе понятие.

Коммуникативная личность современного политика

Если для языковой личности «на первый план выступает глубинное языковое содержание личности, которое является стимулом к ее развитию и которое дает ей новое самосознание и самоотражение» [10. С. 168], то коммуникативную личность политика необходимо анализировать с учетом подхода к дискурсу как к тексту в контексте, общественной практике, связующей дискурсивное событие и ситуацию [11. С. 15]. Кроме того, немаловажную роль играет наличие нескольких адресатов политического дискурса: например, коммуникация может одновременно протекать между несколькими политиками, между политиком и представителями СМИ, политиком и массовой аудиторией.

Участвуя в определенной коммуникативной ситуации, политик не просто стремится передать некое сообщение, его целью является установление взаимодействия между участниками конкретной коммуникации, ведение с ними диалога с учетом особенностей жанра политической коммуникации и конфронтационно-манипулятивной специфики общения, нацеленного, прежде всего на достижение электорального успеха.

Политическая коммуникация структурно состоит из знаков ориентации (формулировка и разъяснение политической позиции), интеграции (поиск и сплочение сторонников) и агональности (борьба с противником) [12. С. 149]. Если рассматривать политические тексты через сферу социальных взаимоотношений, выделяют в политической коммуникации следующие фреймы: «power relations», «cooperative relations» и «conflicting relations» [13. С. 279].

В отечественной исследовательской традиции при анализе политического дискурса также особое внимание уделяется коммуникативным стратегиям и тактикам (О.С. Иссерс, В.И. Карасик, О.Н. Паршина, М.А. Семкин, Е.И. Шейгал). Под коммуникативной стратегией понимается набор дискурсивных (как вербальных, так и невербальных) средств, используемых говорящим с определенной целью — сообщить конкретную информацию и представить конкретную картину мира или убедить в конкретной позиции и призвать к конкретным действиям. Коммуникативной тактикой называют ряд речевых ходов в рамках одной стратегии; коммуникативные тактики могут варьироваться в пределах коммуникативной стратегии, направленной на определенную цель. Набор коммуникативных стратегий и тактик, используемых политиками, позволяет судить, насколько важен в политической коммуникации «воздействующий потенциал естествен-

ного языка на интеллектуальную и эмоционально-волевою сферу адресата» [14. С. 261].

Существуют различные классификации коммуникативных стратегий и тактик политического дискурса, однако все они сводятся к следующей дихотомии: положительная саморепрезентация политика и отрицательная презентация его оппонента, что показывает, в какой степени политический дискурс определяется оппозицией «свои — чужие» [15. С. 52]. Вариация коммуникативных стратегий и тактик в речах политиков говорит о способности коммуникативной личности подстраиваться под ход коммуникации, адаптироваться к меняющимся условиям коммуникации, что позволяет «обеспечить в дальнейшем эффективную коммуникацию и достижение поставленной цели» [16. С. 17].

Таким образом, коммуникативная личность политика является ситуативно-ориентированной единицей, т.е. она раскрывается в условиях конкретного коммуникативного акта в зависимости от общего исторического, социального и культурного контекста в рассматриваемый период времени. Влияние общественных идей и настроений, господствующих в определенный временной отрезок, текущая внешне- и внутривнутриполитическая ситуация оставляют свой отпечаток на индивидуальных языковых характеристиках политика, на выборе им определенных языковых средств и коммуникативных стратегий. При этом, реализуя и ситуативный, и индивидуально-личностный потенциал, коммуникативная личность подчиняется общей тенденции политического дискурса рассматривать любое политическое действие, ситуацию или коммуникативный акт в рамках оппозиции «свои — чужие».

Материалы и методы исследования

В данной статье анализируется коммуникативная личность действующего лидера Лейбористской партии Великобритании Кира Стармера и его предшественника на этом посту до 2020 г. Джереми Корбина. Политологи считают, что смена лидера британской оппозиции была неизбежна: лейбористам необходимо менять как политический курс партии, так и политический имидж. Кир Стармер, пришедший на смену крайне левому евроскептику Джереми Корбину, с его умеренными левыми взглядами и проевропейскими настроениями может вывести оппозиционную партию на новый уровень.

С 2016 г. Великобритания постепенно выходит из Европейского союза — событие очень значимое как для внешней, так и для внутренней политики страны. И если в формальном плане зафиксировано решение Великобритании выйти из ЕС, то в реальности еще многое необходимо урегулировать в этом отношении, ведь никто тогда не мог спрогнозировать пандемию коронавируса. Эта напасть не дает политикам полностью сосредоточиться на завершении Брекзита. Именно эти ситуации глобального и внутривнутриполитического

масштаба оказывают особое влияние на ход политической коммуникации между британскими политиками, особенно среди лидеров оппозиции, выражающих полярные точки зрения по отношению к Брекзиту.

Для исследования были отобраны речи выступлений Джереми Корбина (июнь 2016 г. — март 2020 г.) и Кира Стармера (апрель 2020 г.— декабрь 2021 г.) в Парламенте — временной промежуток, когда Великобритания начала готовиться к выходу из Европейского союза и после выхода начала проводить меры по урегулированию торговых и экономических отношений. Из выбранных за указанный период времени текстов дебатов были удалены реплики и замечания других комментаторов, а затем был составлен корпус по каждому из политиков. Необходимо учитывать, что дебаты в Парламенте с участием Джереми Корбина и Кира Стармера проходили не каждый день, а также следует помнить, что существует особый регламент дебатов, согласно которому лидеру оппозиции дается не так много времени на выступление, поэтому между примерами могут быть непропорциональные временные промежутки. В конечном итоге корпус речей Джереми Корбина насчитывает 29956 слов, корпус речей Кира Стармера — 20264 слова. Методом сплошной выборки были отобраны наиболее частотные и «уникальные» языковые единицы, которые, как показывает анализ, лежат в основе коммуникативной личности каждого из политиков. Для уточнения списка лексем были задействованы описательный, сопоставительный и контекстуальный методы анализа текста, а также методы корпусной лингвистики.

Чтобы подкрепить полученные результаты статистически, нами использовалось программное обеспечение (ПО) Sketch Engine, разработанное в 2003 году для создания корпусов и анализа текста. Основными операциями, которые данное ПО позволило применить к корпусам речей Джереми Корбина и Кира Стармера, были подсчет абсолютной частотности и анализ ключевых слов. В обоих случаях не учитывались слова, часто употребляемые в общем политическом контексте (например, *government, deal, secretary, member, agreement, negotiation, etc.*), а ключевые слова были выделены программой на основании сравнения созданных корпусов с корпусом английского языка *The English Web Corpus 2020*, включающим в себя более 38 миллиардов слов.

Лишь некоторые статистические данные, полученные через анализ теста в Sketch Engine, приведены в таблице 1. Достаточно частотными оказались лексемы *chaos/chaotic* как в речах Корбина, так и Стармера. Однако Стармер так же часто употреблял слова *control/controlled*, что уравновесило его риторику. При этом корпус показывает, что для Корбина употребление слова *chaos* является более «уникальным», характерным, чем для Стармера. Анализ ключевых слов также показал очень высокие позиции для слов *shambolic, botched, half-baked*, используемых Корбиным, и слов *clobber* и *sacrifice* в выступлениях Стармера.

Таблица 1 / Table 1

Статистические данные, полученные при анализе корпуса речей Джереми Корбина и Кира Стармера / Corpus analysis of Jeremy Corbyn and Keir Starmer's speeches data

Джереми Корбин / Jeremy Corbyn			Кир Стармер / Keir Starmer		
Лексема / Word	Наиболее частотная лексема политика / Politician's most frequently used word	Частотность употребления / Usage frequency	Лексема / Word	Наиболее частотная лексема политика / Politician's most frequently used word	Частотность употребления / Usage frequency
			chaos (chaotic)	290	7
chaos (chaotic)	184	8	control (controlled)	435	9
botched	5	5	clobber	27	1
half-baked	6	4	sacrifice	62	6
shambolic	8	3			

Конечный список лексем был сформирован и разбит на группы в зависимости от принадлежности слов к одному семантическому полю, их функциональной направленности и частотности употребления в речи.

Анализ коммуникативной личности Джереми Корбина и Кира Стармера

Джереми Корбин оценивал действия правительства и решения действующего на тот момент премьер-министра Терезы Мэй как хаотичные, похожие на игру вслепую, устроенную полностью по правилам консервативной партии. Сам выход Великобритании из Евросоюза предстает в риторике Корбина как набор бессистемных неорганизованных действий (примеры 1–4).

- 1) Every day the Prime Minister dithers over this **chaotic** Brexit, employers delay investment and rumours circulate about relocation (26.10.2016).
- 2) The Government are in complete **chaos**. Having spent a week trying to convince their own MPs that this **cobbled-together mishmash** was worth defending, they abandoned it (18.07.2018).
- 3) The Prime Minister faces a simple and inescapable choice: be buffeted this way and that way by the **chaos** of her own party, or back a deal that can win the support of Parliament and the people of this country (15.10.2018).

- 4) The Government are in **chaos**, the country is in **chaos**, and the responsibility is the Government's, and the Government's alone (29.03.2019).

Эта хаотичность и неестественность процесса подчеркивается жесткой риторикой Корбина, когда он сравнивает условия выхода Великобритании из ЕС с созданием Франкенштейна, а само правительство называет зомбированным (примеры 5–6).

- 5) **This Frankenstein deal** is now officially dead, and the Prime Minister is trying to blame absolutely everybody else (16.01.2019).
- 6) The 2011 Act was never intended to prop up a **zombie Government**, and there can be no doubt that this is a **zombie Government** (16.01.2019).

Также обвинительная тактика Корбина выражается через лексемы *shambolic*, *botched* и *half-baked* в отношении правительства: лейборист заявляет, что условия выхода Великобритании из Евросоюза подготовлены крайне плохо (примеры 7–11).

- 7) When will the Prime Minister abandon this **shambolic** Tory Brexit and develop a plan that delivers for the whole country? (26.10.2016).
- 8) It is also clear from my own discussions with European leaders that they are becoming increasingly frustrated by her **shambolic** Government and the contradictory approach to Brexit negotiations (19.12.2016).
- 9) This Government's **shambolic** approach to Brexit risks taking us down a dangerous road (05.03.2018).
- 10) Does the Prime Minister blame her **shambolic** handling of Brexit or her failed austerity policies for this damaging failure? (27.02.2019).
- 11) After these **botched** negotiations, the country has no faith in the next stage of even more complex negotiations being concluded in just two years (28.11.2018).

Одной из ярких речевых особенностей Джереми Корбина является использование метафоры пути, дороги при характеристике деятельности партии Консерваторов. Причем, этот путь бессмысленный и опасный, он ведет в никуда, в связи с чем эту метафору сопровождают прилагательные *dangerous* и *reckless* (примеры 12–15).

- 12) They are **taking Britain down a reckless path**, prepared to put jobs and living standards at risk just for the Prime Minister to maintain support within her party and to keep her Government in office (26.06.2017).
- 13) This Government are not on the road to Brexit — they are **on the road to nowhere** (21.02.2018).
- 14) This Government's *shambolic* approach to Brexit risks taking us down a **dangerous road** (05.03.2018).
- 15) The blindfold Brexit that the Government are cooking up is a bridge to nowhere and a **dangerous leap in the dark** (15.10.2018).

Риторика Кира Стармера более сдержанная, однако коммуникативный контекст вынуждает его чрезмерно использовать негативно окрашен-

ную лексику (примеры 16–20). Так, трагедией в речах Стармера предстают и пандемия коронавируса, унесшая много жизней, и военный конфликт в Афганистане, ставший угрозой национальной безопасности для многих стран. Ситуацию характеризуют и оценочные прилагательные *grim*, *dreadful*, *horrific*, *disastrous*.

- 16) ...yesterday we learned that, **tragically**, at least 29,427 people in the UK have now lost their lives to this **dreadful** virus (06.05.2020).
- 17) I fear that as a result we will see more **tragedy** and more **grim** milestones (27.01.2021).
- 18) It means huge **disruption** to families and businesses just as the summer holidays begin (07.07.2021).
- 19) Those achievements were born of **sacrifice**, **sacrifice** by the Afghan people who bravely fought alongside their NATO allies, and British **sacrifice** (18.08.2021).
- 20) Turning to Afghanistan, it has been a **disastrous** week — an unfolding **tragedy**. Twenty years ago, the Taliban were largely in control of Afghanistan. Al-Qaeda were using the country as a training ground and a base for terror, including plotting the **horrific** 9/11 attack (18.08.2021).

Крайне важной особенностью речей Кира Стармера является апеллирование к негативным эмоциям (примеры 21–22). Ряд исследователей утверждают, что то, как люди выражают эмоции и насколько интенсивно их эмоции отражаются в речи, напрямую говорит об их мироощущении и эмоциональном ответе на те или иные события [17. С. 32]. Мы видим, что Кир Стармер встревожен и разочарован действиями премьер-министра, и, что не менее важно, те же чувства он «приписывает» и населению.

- 21) Whatever differences we have in this House, as human beings I think we all recognise the **anxiety** that the Prime Minister and Carrie must have gone through in these past few weeks (29.04.2020).
- 22) I have to say to the Prime Minister that it is hard to overstate the level of **anger** about this out there in our communities, many of which have been in restrictions for months on end. <...> Their emotions range from **deep disappointment** with the Government to **raw anger** that the Prime Minister and Chancellor just are not listening and do not get the impact of months of endless restrictions and the impact they have had on local communities (25.11.2021).

Также Кир Стармер часто использует разговорную лексику (примеры 23–26). Подобные слова несут в себе негативную окраску по отношению к правительству, и, используя их, Стармер продолжает обвинять власть в хаотичности их действий, отсутствии внутренней договоренности, притеснении населения.

- 23) It is clear what this is all about: he has lost a Health Secretary, he has lost a by-election and he is getting **flak** from his own MPs (07.07.2021).
- 24) How on earth are businesses meant to plan when the Prime Minister keeps **chopping and changing** like this? (21.07.2021).

- 25) This is a Government who underfunded the NHS for a decade before the pandemic, took £8 billion out of social care before the pandemic, and then wasted billions of pounds of taxpayers' money on **dodgy** contracts, vanity projects and giveaways to their mates (08.09.2021).
- 26) This afternoon, he has the chance to change course, to vote with Labour to cancel the cut to universal credit and then to stop **clobbering** working people with unfair tax rises (15.09.2021).
- Однако в противовес своему предшественнику лидер лейбористской партии Кир Стармер противопоставляет хаотичные действия правительства тщательно контролируемому плану, предлагаемому его партией (примеры 27–31). Такие лексемы, как *rule, manage, control* репрезентируют фрейм «power relations», что подчеркивает намерение Стармера показать, что оппозиция может поддерживать порядок в отличие от неспособного на это правительства.
- 27) We should open up in a **controlled** way, keeping baseline protections such as masks on public transport, improving ventilation, making sure the test and trace system remains effective (07.07.2021).
- 28) We want to open in a **controlled** way and keep baseline protections that can keep down infections, such as mandatory face masks on public transport (дебаты в Палате Общин от 07.07.2021).
- 29) When it comes to creating **confusion**, the Prime Minister is a super-spreader, so let me try to get some clarity (21.07.2021).
- 30) The Prime Minister keeps asking me if I will support his **chaos**: no, and I want to bring the Prime Minister back to one of our earlier exchanges in this House (21.07.2021).
- 31) Is it not the case that, once again, instead of a careful, **controlled** approach, we are heading for a summer of **chaos** and **confusion**? (07.09.2021).

Таким образом, данные примеры демонстрируют, насколько речевое поведение коммуникативной личности зависит как от политической ситуации в целом, так и от прагматически обусловленных параметров, характеризующих конкретную коммуникацию. Джереми Корбин ведет крайне агрессивную коммуникативную стратегию, обвиняя власть в хаотичных и плохо организованных действиях, которые не могут привести ни к чему хорошему. Однако с изменением общего коммуникативно-политического контекста меняется и выбор вербальных средств в арсенале политиков. Так, напряженные внешнеполитические события в Афганистане и пандемия коронавируса приносят в речь Кира Стармера лексемы с негативной эмоциональной окраской и обвинительную риторику в адрес правительства.

Однако в отличие от Корбина Стармер не столько концентрируется на ошибках и несогласованных действиях властей, сколько выводит в оппозицию «хаосу» меры, которые находятся под полным контролем оппозиции, предлагая устойчивый путь развития страны. Подобное поведение выгодно

сказывается на имидже нового лидера лейбористов, в речах которого демонстрируется не просто вербальная агрессия в адрес премьер-министра — критика правительства перемежается с попытками поддерживать диалог с населением Великобритании.

Анализ коммуникативных личностей указывает на необходимость разработки типологии. Этот вопрос требует тщательного рассмотрения в отдельной статье. Однако полученные данные анализа позволяют нам уже охарактеризовать коммуникативные личности указанных политиков с помощью известной типологии лидерства Г.Д. Лассуэлла.

Следует напомнить, что теоретик политологии выделяет три типа политических лидеров: 1) «агитатор», который всегда стремится добиться эмоционального отклика от аудитории при помощи похвалы, призывам к действиям, слоганами и бранью; 2) «администратор», чья деятельность направлена на координацию действий ближайшего окружения и контролирование ситуации; 3) «теоретик», не самый часто встречающийся тип политического лидера, склонный к излишней теоретизации, обобщению и поиску обоснований для каких-либо событий [18. С. 16].

Исходя из данных характеристик и проанализированных нами примеров, можно сделать вывод, что Джереми Корбин является «чистым» агитатором, в то время как Кир Стармер относится к группе лидеров пограничного типа: ему не чужда апелляция к эмоциям адресатов, однако он склонен проявлять и качества администратора. Немаловажную роль играет и тот факт, что перед избранием на роль лидера партии лейбористов, Стармер возглавлял Королевскую прокурорскую службу, что говорит о его умении контролировать ход событий и правильно расставлять акценты в своей речи для достижения наибольшего эффекта.

Заключение

Развитие лингвоперсонологии на фоне активизирующихся внутривнутриполитических и геополитических процессов побуждает лингвистов проявлять все больший интерес к вопросам языковой и коммуникативной личности политика, делая акцент в своих исследованиях на коммуникативно-прагматическом аспекте структуры личности.

На примере анализа коммуникативных личностей Джереми Корбина и Кира Стармера показано, что политическая коммуникация, заданная четкой коммуникативной целью говорящего, имеет свои речевые особенности, и их выявление позволяет исследователю давать оценку действиям конкретной личности и даже прогнозировать успех его дальнейшей политической карьеры.

Анализ коммуникативной личности политика является перспективным направлением, учитывая текущую ситуацию на политической арене. При

этом необходимо целостное исследование и сравнение коммуникативных личностей нескольких политиков для выявления общих черт, закономерностей в речевом поведении, типизации личностей, что могло бы расширить и обогатить предметную область лингвоперсонологии.

Библиографический список

1. Арискина О.Л., Дрянгина Е.А. Языковая и коммуникативная личность: различные подходы к исследованию // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011. Вып. 58. № 25 (240). С. 15–18.
2. Сахарова А.В. Формирование языковой личности: социально-философский аспект: дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2017.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010.
4. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: URSS, 2017.
5. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: URSS, 2019.
6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
8. Конецкая В.П. Социология коммуникации. М.: Междунар. ун-т бизнеса и упр. (Братья Карич), 1997.
9. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. С. 14–31. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-1-14-31>
10. Мухортов Д.С. Об общем и частном в понятиях «языковая личность», «речевой портрет», «идиостиль» и «идиолект» (на примере вербального поведения современных политических деятелей) // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: мат-лы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26–28.08.2014) / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2014. С. 167–172.
11. Wodak R. Disorders of discourse. L.; N.Y.: Longman, 1996.
12. Цыцаркина Н.Н. Вербализация фреймов социальных отношений в англоязычном политическом медиадискурсе // Политика и политики: политический дискурс как объект лингвистического анализа (Материалы VIII Конвента РАМИ, апрель 2014 г.) / под ред. Д.А. Крячкова, Д.Н. Новикова. М.: МГИМО-Университет, 2015.
13. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
14. Боженкова Н.А., Боженкова Р.К., Боженкова А.М. Современный политический дискурс: вербальная экземплификация тактико-стратегических предпочтений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15. № 3. С. 255–284. <https://doi.org/10.22363/2313-2264-2017-15-3-255-284>
15. Мухортов Д.С., Жовнер Е.А. Коммуникативные стратегии «Бык» и «Медведь» в риторике кандидатов в президенты США // Рема. Rhema. 2019. № 2. С. 48–60. <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2019-2-48-60>
16. Цуцьева М.Г. Актуализация языковой личности политика в современном немецком политическом дискурсе: дис. д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2019.
17. Tausczik Y.R., Pennebaker J.W. The Psychological Meaning of Words: LIWC and Computerized Text Analysis Methods // Journal of Language and Social Psychology. 2010. 29(1). P. 24–54. <https://doi.org/10.1177/0261927x09351676>
18. Лассуэлл Г.Д. Психопатология и политика. М.: РАГС, 2005.

References

1. Ariskina, O.L. & Dryangina, E.A. (2011). Linguistic and Communicative Personality: Different Approaches to Research. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 25 (240), 15–18. (In Russ.).
2. Sakharova, A.V. (2017). *Formation of the Language Personality: Social-Philosophical Aspect* [dissertation]. Ivanovo. (In Russ.).
3. Karaulov, Y.N. (2010). *The Russian Language and Language Personality*. Moscow: LKI publ. (In Russ.).
4. Prokhorov, Y.E. (2017). *National Socio-Cultural Stereotypes of Speech Communication and their Role in Teaching Russian to Foreigners*. Moscow: URSS publ. (In Russ.).
5. Leontiev, A.A. (2019). *Language. Speech. Speech Activity*. Moscow: URSS publ. (In Russ.).
6. Krasnykh, V.V. (2003). *Insiders among Outsiders: Myth or Reality?* Moscow: Gnozis publ. (In Russ.).
7. Karasik, V.I. (2002). *Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd: Peremena publ. (In Russ.).
8. Konetskaya, V.P. (1997). *Communication Sociology*. Moscow. (In Russ.).
9. Karasik, V.I. & Slyshkin, G.G. (2021). Modern Discourse Developmental Trends. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 1, 14–31. (In Russ.).
10. Mukhortov, D.S. (2014). ‘Yazykovaya Lichnost’, ‘Rechevoy Portret’, ‘Idiostil’, ‘Idiolect’: The Notions of Russian Scholars in Contrast. What is Required to Study the Stylistic Behaviour of the Politician? In: *Political communication: prospects for the development of the scientific direction: materials of the Intern. scientific conf.* (Yekaterinburg, August 26–28, 2014). Yekaterinburg. pp. 167–172. (In Russ.).
11. Wodak, R. (1996). *Disorders of discourse*. London; N.Y.: Longman.
12. Tsytsarkina, N.N. (2015). Actualization of the Frames «Social Relations» in Political Discourse of American and British Mass Media. In: *Politics and Politicians: Political Discourse as an Object of Linguistic Analysis (Proceedings of the VIII RISA Convention, April 2014)*. Moscow: MGIMO-University. (In Russ.).
13. Shegal, E.I. (2004). *Semiotics of political discourse*. Moscow: Gnozis publ. (In Russ.).
14. Bozhenkova, N.A., Bozhenkova, R.K. & Bozhenkova, A.M. (2017). Modern political discourse: verbal exemplification of tactical and strategic preferences. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 15 (3), 255–284. <https://doi.org/10.22363/2313-2264-2017-15-3-255-284> (In Russ.).
15. Mukhortov, D. & Zhovner E. (2019). The Bull and Bear Communicative Strategies in the US presidential campaign rhetoric. *Rhema*, 2, 48–60. <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2019-2-48-60> (In Russ.).
16. Tsutsieva, M.G. (2019). *Actualization of the linguistic personality of a politician in modern German political discourse* [dissertation]. Saint-Petersburg. (In Russ.).
17. Tausczik, Y.R. & Pennebaker, J.W. (2010). The Psychological Meaning of Words: LIWC and Computerized Text Analysis Methods. *Journal of Language and Social Psychology*, 29(1), 24–54. <https://doi.org/10.1177/0261927x09351676>
18. Lasswell, H.D. (2005). *Psychopathology and Politics*. Moscow: RAGS publ. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Мухортков Денис Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент, кафедры англоязычного языка № 1 факультета международных отношений, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; e-mail: dennismukhortov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8174-7055; ResearcherID (IRID): 3439326.

Жовнер Елизавета Андреевна, соискатель кафедры № 1 факультета международных отношений ФГБОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»;
e-mail: e.zhovner@my.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-0656-5307; ResearcherID: HLG-7569-2023.

Information about the authors:

Denis S. Mukhortov, PhD, Associate Professor of the English Department № 1, International Relations School, Moscow State University of International Relations;
e-mail: dennismoukhortov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8174-7055; ResearcherID (IRID): 3439326.

Elizaveta A. Zhovner, PhD Candidate at the English Department № 1, International Relations School, Moscow State University of International Relations; *e-mail*: e.zhovner@my.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-0656-5307; ResearcherID: HLG-7569-2023.